

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЗАВЕЩАНИЯ: ФУНКЦИЯ ПРЕАМБУЛЫ

Как известно, литература по византийской дипломатике не столь уж обширна. Согласно оценке специалистов, «византийская дипломатика, понимаемая как актовое источниковедение, — это еще сравнительно молодая отрасль исторического знания, значительно уступающая уровню развития западноевропейского актового источниковедения в целом».¹ Юридическая, содержательная сторона частноправовых сделок, оформлявшихся актами, в том числе и завещаниями, исследовалась в работах М. Кавера, Д. Зимона, М. Бенеманского, Е. Э. Липшиц и других специалистов по праву.² Нам же интересуют прежде всего исследования, посвященные дипломатике частноправовых актов, главным образом — завещаний. Среди этих исследований нельзя не отметить работу Г. В. Вернадского, первым обратившегося к изучению византийского частноправового акта.³ Определенный интерес представляет статья А. П. Каждана, в которой автор отстаивает тезис о том, что в Византии в XIII—XIV вв. существовали местные канцелярии, имевшие собственный формуляр актов, в данном случае кувчих.⁴ Ему возражает И. П. Медведев, который считает возможным выделить наиболее общий «условный формуляр» построения византийского частноправового документа в целом, структуры которого «в общем и целом свойственна любой разновидности частных византийских актов, причем независимо от района империи, из которого тот или иной акт происходил».⁵ Такого же мнения придерживается и М. Амелотти, подчеркивающий «фундаментальное совпадение южноитальянского частного акта с собственно византийским».⁶

¹ Медведев И. П. Очерки византийской дипломатики. Л., 1988. С. 4.

² См., например: Kaver M. Das römische Privatrecht. München, 1973—1975. Bd I—II; Simon D. Untersuchungen zum Justinianischen Zivilprozess. München, 1962; Бенеманский М. Прохирон. Серияво Нокад, 1906. Вып. 1; Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981.

³ Вернадский Г. В. Заметки о византийских кувчих грамотах XIII века // Сборник в честь иа В. П. Златарски. София, 1925. С. 35—44.

⁴ Каждан А. П. Локальные формуляры византийских грамот // ИВ. 1950. Т. 3. С. 387—393.

⁵ Медведев И. П. Очерки... С. 45—46.

⁶ Falckenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documento nell'Italia Meridionale greca (X—XV secolo). Roma, 1982. P. 48.

Единственной работой, специально посвященной проблеме византийских завещаний, является небольшая статья греческого ученого К. Амандоса, в которой автор основывается только на примерах хорошо известных текстов — завещаний Григория Богослова, Федора Студита, патриарха Арсения. В сущности, Амандоса не интересует дипломатика этих завещаний, как и их сопоставление с материалом актов.⁷ Из старых исследований следует отметить также книгу Г. Феррари, в которой есть глава об актах усыновления и завещаниях. Он исследует различные тексты, в частности итальянского происхождения, в их сравнении с текстами из Греции.⁸ Г. Феррари издал также сборник формуляров актов, среди которых фигурируют и два образца завещаний.⁹ Нам, правда, в данном случае прежде всего интересуют литература о преамбулах к актам.

Один из немногих исследователей, которые занимались вопросами изучения преамбулы (аренги), немецкий исследователь Г. Фихтенау, указывает на запутанность и малознакомость темы.¹⁰ Основываясь на материале западноевропейских публично-правовых документов, он отмечает континуитет риторической традиции от античности к средневековью. Именно в аренге, считает он, эта традиция сохранилась лучше всего и получила свое развитие. Чем меньше было в преамбуле конкретных юридических указаний, тем больше в ней содержалось риторики и апелляций к античным образцам. По мнению Г. Фихтенау, язык документов был сакральным языком; в этом отношении нет различия между аренгой светских и духовных актов. Что касается самого термина «(h)arenga», то он употребляется только с XIII в. и происходит из готского *hrings* (кольца, общественные собрания). Позднее появилось значение «вводная формула в документах». Г. Фихтенау считает, что в середине века еще не было известно разделение права на частное и публичное. Из практических соображений термин «частный документ» может употребляться, если только речь идет не о папском и не о королевском акте.¹¹

По мнению Г. Хунгера, посвятившего свою работу аренге публично-правовых документов (на примере византийских императорских актов),¹² исследователей XIX в. мало интересовали сведения к документам, которые казались им глупыми и бесполезными. Например, К. Крумбахер подчеркивал монотонность и однообразие таких актов; Г. Майспер также считал, что ареша наполнена общими фразами.¹³ Цель работы самого Г. Хунгера — собрать и про-

⁷ *Amantos K.* Περὶ τῶν βυζαντινῶν διαθηκῶν // Περὶ ἀρχαίων Δικῆν. Βυζαντινῶν, Σαλζβούργου (1953) В' (= *Эллиниκή Περὶ ἀρχ.*, 1956. Т. 9. С. 281—287). Известен еще недоступный нам работа: *Τοιαῦτά Ὑφ' ἑστῆς Βυζαντινῆ διαθηκῆς* // *Ἐπιθελόγιον*, 1930. Т. V. 30. С. 614—618; 1931. Т. VI. 66. С. 364—371.

⁸ *Ferrari G.* I documenti greci medievali di diritto privato dell' Italia Meridionale. Leipzig, 1910.

⁹ *Ferrari G.* Formulari Notarili Inediti. Roma, 1912.

¹⁰ *Fichtenau H.* Arenga: Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln. Graz, Köln, 1957.

¹¹ Следует отметить, что в применении к византийским актам такое разделение не на публичные и частноправовые представляется необходимым (см.: *Метлацко И. И.* *Очерки...* С. 15—16).

¹² *Hunger H.* Proömion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964.

¹³ *Ibid.* S. 15.

анализировать элементы пропаганды монархической идеи в аренах. Интересны содержащиеся в его книге сведения о происхождении «приминия». Об обычае предавать закон приминем первым свидетельствует Платон. В своем диалоге «Законы» он говорит о необходимости предпосылать законам иступления, имеющие целью своего рода предварительное возбуждение внимания адресата. Настроившись соответствующим образом, он легче воспримет закон и будет выполнять его (Leg., 723a—d). Вполне вероятно, что эта мысль Платона и явилась источником всей последующей традиции составления преамбул к актам.¹⁴

Недавно увидела свет еще одна статья, посвященная преамбуле западноевропейских документов.¹⁵ В ней автор анализирует арены двух видов актов — епископских и дарственных, происходящих из нескольких крупных монастырей (в частности, из аббатства Клуни). М. Амелотти указывает на наличие в записании, как и в случае благочестивого дара, арены, которая может, впрочем, и отсутствовать или, напротив, быть очень пространной и укрепленной особыми аргументами.¹⁶

Ввиду малоизученности византийских завещаний, представляется полезным привлечь и другие материалы, в частности кожнославянские, румынские и русские источники, так как практика культуры приходящих народов развивалась под непосредственным воздействием культуры Византии.¹⁷ Особо следует сказать о статье С. М. Капитанова, который предлагает схему членения акта из части (начальный протокол, текст и экзатанол), которые в свою очередь делятся на статьи, предложения, обороты, элементы и характеристики.¹⁸ Такая, казалось бы, стройная и логичная схема, однако, отнюдь не всегда соответствует реальному облику актов. Нам представляется более целесообразным выделение лишь общих смысловых разделов, совпадающих во многих десятках однотипных актов и

¹⁴ Ibid. S. 29.

¹⁵ Avril J. Observance monastique et spiritualité dans les préambules des actes (X—XIII s.) // Revue d'histoire Ecclésiastique, 1990. N 1. P. 5—30.

¹⁶ Falkenhansen F. von, Amelotti M. Notariato e documenti... P. 56.

¹⁷ Сырку П. Материалы для истории дипломатии и сфрагистики в Болгарии и XIII в. // Восток // Восток, СПб., 1903. Т. VIII. Яцимирский П. А. Валахские грамоты и палеографическим и дипломатическим отношениям // Русский филологический вестник. 1906. Т. LIV. С. 49—67; Jorga N. Notes de diplomatique roumaine // Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine. 1930. Vol. XVII. P. 114—141; Lascaris M. Influences byzantines dans la diplomatique bulgare, serbe et slavo-roumaine // Byzantinoslavica. 1933. Vol. 3. P. 500—510; Лаппо Давыдовский А. С. Очерк русской дипломатии частных актов. Пг., 1920; Веретенников В. И. К вопросу о методах изучения древнерусских частноправовых актов // Историческое обозрение: Сборник статей, посвященный Александру Сергеевичу Лаппо-Давыдовскому. Пг., 1916. Т. XXI. С. 8—19; Смирнов М. И. Некоторые замечания о дипломатическом анализе частного документа // Там же. С. 20—62; Палк С. И. Начальным историей древнерусского частного акта // ВПД. М., Я., 1937. С. 285—292; Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси (из Русской Правды до Новгородской Судной грамоты) // Там же. 1974. Т. VI. С. 125—141; Спердатов М. В. Древнерусский акт X—XIV вв. // Там же. 1976. Т. VIII. С. 50—69; Палея В. М. Проблемы дипломатики частного акта и труда С. И. Палея // Там же. 1978. Т. X. С. 55—70; Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986; Семеновичко Г. В. Византийское право и оформление русских земельных XIV—XV вв. // ВПД. 1986. Т. 46. С. 164—173.

¹⁸ Капитанов С. М. Дипломатический состав древнерусского акта // ВПД. Л., 1969. Т. II. С. 143—159.

являющихся бесспорными. Что касается завещаний, то ввиду их специфичности, по-видимому, имеет смысл особо изучить дипломатический состав этой категории актов.

Таким образом, преамбула византийских завещаний практически не изучена, а имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют исследовать аренду в монашеских и светских завещаниях на примере актов XI—XV вв. из афонских монастырей (Кутлумушского, Хилацдарского, Дохиарского, Ксиропотамского, Ивирского, Великой Лавры), патмосского монастыря Св. Иоханна Богослова, вазелонского Св. Иоханна Предтечи и др., а также завещания Евстафия Ваилы. Цель работы — вычленить преамбулу в составе текстов, выделить составные части преамбулы и выяснить, каковы ее роль и функция в завещании.

Говоря о преамбуле завещаний, можно выделить по меньшей мере два ее основных вида: преамбула в сокращенной редакции и преамбула в расширенной редакции. Судя по формулярам актов и имеющимся у нас текстам, собственно преамбула, как правило, стоит в документе на втором-третьем месте, сразу за сигнонами (именами свидетелей и инвонций). Последняя иногда встречается в составе преамбулы. Краткая аренда состоит в основном из клаузулы, которую можно обозначить как «причина составления акта» и которая разрастается и превращается в целые развернутые пассажи. Такую преамбулу мы условно называем «преамбулой духовного содержания». Преамбула же в расширенной редакции включает в себя так называемую «παράλλο», или экпозицию, порой представляющую собой пространный автобиографичекий завещателя. Итак, мы рассмотрим преамбулы завещаний в такой последовательности: краткие преамбулы; аренды духовного содержания; παράλλο.

Оставив в стороне ту немногочисленную группу завещаний, в которой преамбула отсутствует вовсе или не сохранилась,¹⁹ рассмотрим вначале документы с наименее развитой преамбулой. Так, существуют тексты, в которых аренда занимает всего несколько строк и свидетельствует о том, что автор завещания явно над ней не задумывался. Именно к этой группе относится большая часть актов из архива вазелонского монастыря. В этих документах налицо однообразие формулировок, вплоть до дословного их повторения. Следовательно, можно предположить, что они составлялись по одному и тому же формуляру, находившемуся в вазелонском монастыре. В пользу этого говорит и тот факт, что все эти завещания составлены в одно и то же время (вторая половина XIII в.), а также то, что завещатели оставляют все свое имущество (или его часть) монастырю Св. Иоханна Предтечи. Таковы, например, завещания Анисии, монахини Калваны,²⁰ Каланы Сислианитопулос,²¹ Константина Котерцы,²²

¹⁹ Например, завещания Нило Дамилы 1417 г. (*Lambros S. P.*, Das Testament des Nilos Damilas // *Byzantinische Zeitschrift*. 1895. Bd 4. P. 585—587), Максима Платина 1255 г. (*Mikhaelich F., Muller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860—1890. Vol. IV. P. 74—75), аббата Сафона от патмосского монастыря (ibid., vol. III, p. 241—246).

²⁰ *Успенский Ф. И., Венешевич В. И.* Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянской и монастырского земледелия в Византии XIII—XV веков. Л., 1927. № 78. С. 45.

²¹ Там же, № 118. С. 87—88.

²² Там же, № 112. С. 83.

Ании, пресвитериссы Ликудии,²³ Константина Цавалиты 1260 г.²⁴ К этому же разряду следует отнести завещание Федора Караны 1314 г.²⁵ и Афанасия Вулеутерия 1030 г.²⁶ Завещание Симватия Бакуриани 1090 г. также начинается с достаточно краткой вводной фразы о причине составления акта.

В подобных случаях, как кажется, вообще трудно говорить о преамбуле, ибо все клаузулы этих завещаний являются не чем иным, как простым воспроизведением предписаний формуляра. Формула, касающаяся уместного здоровья завещателя, добровольность распоряжения, общая фраза о неизбежности смерти, слова «без изменения решения» — вот и все возможные элементы преамбулы в этих текстах.

Такие тексты, в которых присутствует только преамбула духовного содержания, встречаются сравнительно редко; значительно чаще мы видим *pagtio* и собственно *аренгу* объединенными. В качестве образцов, исчерпывающих практически все возможные варианты преамбулы такого рода, приведем два формуляра, изданных Феррари.²⁷ Первый из них называется *ἄκτων εἰς διθήκην ἥτοι εἰς διτάξιόν* и начинается со слов Екклесиаста (1, 2): «Суета сует и всяческая суета». Завещатель пишет, что всякий человек смертен, и бессмертен лишь бог. Поэтому он (имя), измученный болезнью, боится неожиданной смерти, которая может внезапно похитить его, и данное ему от бога останется незавершенным. После указания на здравый разум автора следует фраза: «Шлю всем православным и добродетельным христианам любовь во Христе и совершенное прощение». Эту последнюю клаузулу о прощении всем от Бога творца Феррари считает типичной для восточных, т. е. византийских завещаний, не имеющей соответствия в южноитальянских.²⁸

Второй акт называется *ἄκτων εἰς διτάξιόν ποινῶν*. После инокания в нем говорится о том, что если бы монахи сохраняли закон, они стали бы бессмертными. Чтобы победить соблазны, нужно быть послушным единственно Слову, неся легкое иго Христа. Но необходимо, чтобы были достаточны единственно учения божественных отцов и поучения всех святых.

Вариации этих тем бесчисленны, они бывают обогащены цитатами из Библии и святоотеческой литературы. Так, например, преамбула к завещанию Неофита, игумена Дохиара и прота, 1118 г. написана под влиянием сочинений Иоанна Златоуста.²⁹ Завещания Марфы Фракесины 1281 г.³⁰ и Феодосия Скараноса (Феодула) 1270—

²³ Там же, № 52. С. 28—29.

²⁴ Там же, № 74. С. 46—47.

²⁵ *Actes de Chilandar (= Actes de l'Atlios, V) / Ed. J. Petit et V. Korabiev. CHb., 1911 (Приложение № 1 к изд. BB; T. 17). № 27. С. 59—64.*

²⁶ *Actes de Lavra (= Archives de l'Atlios, V) / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papatryssanthou. Paris, 1970. Vol. 1. P. 177—17; Actes d'Iviron (= Archives de l'Atlios, XIV) / Ed. J. Lefort, N. Oikonomides, D. Papatryssanthou avec la collaboration de V. Kravari et d'H. Melrevel. Paris, 1990. Vol. II. P. 150—156.*

²⁷ Ferrati G. *Formulari Notaril inediti*. N 10. P. 11. N 12. P. 13.

²⁸ Ferrati G. *I documenti*... P. 110.

²⁹ *Actes de Docheirion (= Archives de l'Atlios, XIII) / Ed. dipl. N. Oikonomides. Paris, 1984. P. 93—97.*

³⁰ *Mikhaelich F., Müller J. Acta et diplomata*... Vol. IV. P. 112—113.

1274 г.,³¹ Мануила Халкопулоса 1377 г.,³² Луки, игумена Галсагрия 1036 г.,³³ монахини Нимфодора 1445 г.,³⁴ Германа, игумена Патмоса,³⁵ представляют собой повторения тех же мотивов, простые и лапидарные, или, наоборот, достаточно витиеватые и расчлененные библейскими цитатами и реминисценциями. Зато завешание Феодорита Синуаса привлекает к себе внимание несколько необычной причиной его составления.³⁶ Завещатель подчеркивает, что он не находится ни в болезни, ни в опасности, а, ясно сознавая назначение этой жизни, которая ведет человека в жизнь иную, думая о житейских невзгодах, составляет завешание. Этим примером подтверждается то, что завешания составлялись не только на смертном одре, но и людьми совершенно здоровыми.

В преамбулах духовного содержания мы наблюдаем основную черту, отличающую актенгу от всех остальных частей актов, а именно воплощение той идеи, на основе которой строится документ. Наиболее ярко эта черта проявляется в тех завешаниях, которые содержат развитую нарративную часть. Вообще же нарративный раздел присутствует не только в завешаниях, но и в других типах актов. Там его можно назвать «история сделки» или «экспозиция». В завешаниях же он занимает особое место, ибо в нем автор рассказывает о своей жизни, желая представить в лучшем свете свои дела и оставить добрую посмертную память. На наш взгляд, некоторые завещатели ставили перед собой и другую цель — своего рода исповедь, размышления о тленности всего земного и необходимости покаяния. На основной пафос нарративного раздела — панегирический. И здесь встает вопрос о том, можно ли относить *παράτιο* к преамбуле. К актенге в краткой редакции — вряд ли, но если рассматривать преамбулу в широком смысле слова, т. е. включая в нее клаузулу «причина составления акта», то сюда же следует отнести и *παράτιο*. Ведь нередки случаи, когда преамбула изобилует автобиографическими элементами нарративного характера, да и в описании дел, совершенных автором, мы то и дело встречаем фразы, типичные для пролога духовного содержания. Необходимо сказать, что такое взаимопроникновение духовной преамбулы и экспозиции характерно только для завешаний.

Проиллюстрируем эти замечания несколькими примерами. Пожалуй, самым известным из завешаний, содержащих нарративный раздел, является завешание каннидокийского земледельца протеспифория и ината Евстафия Воила 1059 г.³⁷ В этом акте после первой

³¹ Actes de Xéropoulos (= Archives de l'Athos, III) / Ed. dipl. J. Bompain. Paris, 1964. P. 71—88.

³² Actes de Kullunus (= Archives de l'Athos, XIV) / Ed. dipl. P. Lemerle. Paris, 1988. P. 132—134.

³³ Actes d'Iviron (= Archives de l'Athos, XIV) / Ed. dipl. J. Lefort, N. Oikonomidou, D. Panachryssantidou avec la collaboration d'IE. Métrovéfi. Paris, 1985. T. I. P. 233—239.

³⁴ Actes de Xéropoulos. P. 214—218.

³⁵ Успенский Ф. И., Бенешевит В. В. Византизмские акты. № 107. С. 77—79.

³⁶ Miklonich F., Müller J. Acta et diplomata... Vol. VI. P. 229—233.

³⁷ Lemerle P. Le testament d'Eustathios Voilas (avril 1059) // *Lemerle P. cinq études sur le XIe siècle byzantin*. Paris, 1977. P. 15—63; Бенешевит В. И. Завещание византийского боярина XI века // ЖМНП. 1907. Май. С. 219—231; Вартыкан Р. М. Критическое замечание о завещании Евстафия Воила (1059 г.) // ВВ. 1961. Т. 19.

вводной фразы общего характера следует изложение истории жизни автора. Он жалуется на необыкновенность времени, в котором он провел свою трудную молодость. При этом Воила говорит, что уму свойственно приписывать все тяготы жизни своему времени, поэтому он не уверен, только ли время повинно в его судьбе, и это не может быть рассказано. Его жизнь была настолько тяжела, что ему пришлось стать изгнанником и удалиться на расстояние полутора недели пути от родины. Более чем 20 лет спустя магистр одарил его свободой во всем и большим расположением со своей стороны. Но лежащее на душе горе не было таким, чтобы его можно было позабыть. Оно привело Воилу к покаянию и побудило его сделать обзор своей жизни. На этом первая часть завещания заканчивается, далее следуют другие клаузулы начального протокола (инвокация, указание на то, что автор находится в здравом уме, и на его правоспособность). Дальнейшее повествование также представляет собой автобиографию Воилы. Он вновь говорит о том, что стал переселенцем, изгнанником, но на этот раз пишет и о своей семье. Он прибыл сюда с женой Анной и детьми, двумя женского пола и одним мужского. Здесь же Воила отмечает, что он пришел в эту страну с имуществом, которое у него было и которое он приобрел потом добрыми путями (ἐξ ἀγαθῶν λόγων). Автор говорит, что сын его, прожив только три года, умер 6-го индикта, а по наступлении 9-го индикта умерла и его мать, оставив Воиле двух дочерей, о которых он и заботился до конца 12-го индикта. Затем Воила пишет: «Помня постоянно о смерти и представляя возможность преждевременной и неожиданной смерти, я решил распорядиться своими делами». Автор пришел к лучшему, более возвышенному душевному состоянию, чтобы душа помнила о боге и стремилась к первообразу и божественной сущности, а тело, которое и рассудок, и церковное учение признает храмом божества и Богородицы, отвращалось от телесных страстей. Как мы видим, в данном тексте в прамбуле наблюдается чередование элементов *παράθεσις* и собственно прамбулы. При этом аренда распадается на две части — вступительную, содержащую фразы общего характера, а также нарративные элементы, и собственно автобиографическое повествование, впоследствии переходящее в диспозитивный раздел акта. Прамбула в данном документе имеет особое значение, ибо она содержит все возможные юридически значимые клаузулы (указание на правоспособность завещателя, на то, что он находится в здравом уме, что его имущество приобретено честными путями). В свете этой прамбулы составлен и диспозитивный раздел, подробно рассмотренный в вышеуказанных работах. Собственно аренда духовного содержания в чистом виде присутствует лишь в конце рассмотренного нами отрывка, но и здесь автор ссылается на то, что так принято считать, а не говорит от своего лица. В общем, исходя из прамбулы,

С. 26—37; *Литаорин Г. Г.* Относительные размеры и состав имущества провинциальной аристократии во второй половине XI в. (по материалам завещаний) // *Византийские очерки. Труды советских ученых к XIV конгрессу византистики*. М., 1971. С. 152—168; *Кубашин К. П.* Завещание Евстафия Воилы и вопросы феодальной администрации «Иверии» // *ВВ*. 1974. Т. 36. С. 73—82; *Fryonis Sp.* The Will of a Provincial Magistrate Eustathius Bellas (1059) // *Dumbarton Oaks Papers*. 1957. Vol. 11. P. 263—277.

можно заключить, что Воила — человек достаточно активный и деятельный, для которого на первом месте была не духовная сторона дела, а материальная, и, чтобы объяснить свои распоряжения, он пишет подробную *narratio*. Что касается разделов преамбулы духовного содержания, то они свидетельствуют о том, что Воила был, бесспорно, человеком религиозным (что совершенно естественно для того времени), но они составлены в значительной мере по трафарету. Со стилистической точки зрения арсенал этого акта представляет немалый интерес, потому что ни в одном другом завещании мы не встречаем подобной композиции — вступления, а затем *narratio*, в значительной степени его повторяющей. Необходимо также отметить изысканный, отточенный язык текста и стремление завещателя проанализировать движение своей души и мотивы своих поступков. Вообще именно в этом тексте в наибольшей степени проявляется личность самого автора, в отличие от многих монашеских завещаний, которые мы рассмотрим ниже. Ведь для монаха главное — это не его личность, а его душа и ее отношения к богу.

Теперь о завещаниях, составленных монахами. *Narratio* завещания Христофуды 1093 г. из патмосского монастыря Св. Иоанна Богослова распадается на две части: краткую преамбулу духовного содержания и пространную нарративную часть, в которой содержится повествование о братии и конкретные распоряжения.³⁸ В краткой аренте завещатель говорит о причине написания акта — телесной болезни и о страхе внезапной смерти, подтверждая эти слова вольной цитатой из Библии (Пс. 7, 3). В нарративном разделе Христофуд рассказывает о том, как император Алексей Комнин издал хрисовул, в котором он разрешает будущему игумену постройку монастыря на острове Патмос. *Narratio* присутствует и в другом патмосском завещании, написанном игуменом Феокистом (1157 г.).³⁹ Начинается текст с краткого вступления духовного характера. Завещатель говорит о том, что, поскольку он человек, то, как и все люди, из-за нарушения первой заповеди платит свой долг. Феокист считает необходимым поговорить с братьями в присутствии епископа Леркса Константина. В этой части преамбулы мы находим указание на то, что автор обладает здравым разумом, а также развернутую клаузулу «причина составления акта». Вторая часть аренты — повествование о жизни Феокиста с перечислением всех дел, совершенных им для монастыря. Он стоял во главе обители 30 лет и получил хрисовулы от трех императоров — Алексея, Иоанна и Мануила, согласно которым монастырь получает дополнительно по 200 модиев зерна. Однако в результате набегов арабов, пиратов и посещения пратора Симона богатства его значительно уменьшились. Данный текст представляет интерес как с дипломатической точки зрения, так и в плане тех конкретных исторических сведений, которые содержатся в нарративном разделе.

Достаточно краткая преамбула завещания монахини Марии, вдовы Симватия Бакуриани (1098 г.),⁴⁰ после вводной фразы содержит нарративный раздел, в котором завещательница рассказывает о своих

³⁸ Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata...* Vol. VI. P. 81—90.

³⁹ *Ibid.* P. 106—110.

⁴⁰ *Actes d'Iviron*. Vol. II. P. 170—183.

родителях и о том, что она исполнила последнюю волю супруга, умершего во цвете лет.

В завещании Матфея Анапаусы (1330 г.) из афонского Кутлумушского монастыря преамбула представляет собой историю написания акта.⁴¹ Завещатель, будучи главой фронтистерия Анапауса, передает его Кутлумушу, чтобы сделать свой монастырь богаче и чтобы по нем сохранили здесь молитвенную память. Матфей лишь подтверждает своим завещанием акт прота Исаака от 1329 г., по которому произошло реальное присоединение Анапауса.⁴² Причиной написания завещания он называет свой преклонный возраст.

Согласно *narratio* завещания 1330—1331 гг. основателя монастыря Св. Иоанна Предтечи,⁴³ автор, будучи стар и чувствуя приближение своего конца, испытывает необходимость распорядиться своими делами. Он подробно излагает историю монастырька, который был основан им и его духовным отцом Иоанном. Завещатель перечисляет все те благодеяния, которые он оказал обители. В конце преамбулы есть фраза о прощении всем христианам их грехов. Таким образом, в отличие от предыдущего текста, здесь присутствует четко очерченная преамбула, почти полностью соответствующая формуляру.

Изучение преамбулы завещания аббата Григория из южноиталийского монастыря Сан-Филиппо ди Фрагала 1096—1097 гг. еще раз подтверждает ту точку зрения, что различия между формулярами актов из разных частей Византии несущественны.⁴⁴ Архив этого завещания содержит в себе элементы нарративного характера, а также обладает чертами духовного наставления, т. е. типикона. Григорий рассказывает о том, что он с молодых лет посвятил себя монастырю Св. Филиппа в Деменихах, который в то время был бедным и малонаселенным. Он построил там 2 церкви, башню и кельи для братии. Кроме того, он оставил монахам канон, сочиненный не им самим, а составленный из мыслей святых отцов. На этом заканчивается *narratio* акта и начинаются духовные наставления монахам.

Наконец, самым интересным из всех рассматриваемых нами завещаний является три акта митрополита Харитона, относящиеся к XIV в.

Но прежде чем перейти к анализу самих текстов, попытаемся дать краткую характеристику той эпохи, к которой относится жизнь и деятельность Харитона. Во второй половине XIV в. для всей Юго-Восточной Европы, и для Византии в особенности, возрастает опасность турецкого завоевания. Реакция на это в Константинополе, как отмечают исследователи,⁴⁵ была двоякого рода: с одной стороны, император Иоанн V Палеолог при активном содействии папы стремился к

⁴¹ Actes de Kullumus (= Archives de l'Atlas, II²) / Ed. P. Lemerle. Paris, 1988. N 16. P. 76—79.

⁴² Ibid. N 15. P. 70—76.

⁴³ Actes de Docheirion (= Archives de l'Atlas, XIII) / Ed. dipl. N. Oikonomides. Paris, 1984. P. 133—138.

⁴⁴ *Falkenhansen V. von. Die Testamente des Abtes Gregor von San Filippo di Fragali* // Okenius. 1983. Vol. 7. P. 174—195.

⁴⁵ *Torga N. Croisade latine et byzantine dans le Sud-Est de l'Europe* // *Choses d'Orient et le Roumaine*. Bucarest, Paris, 1924. P. 38; *Nastase D. Le Mont Atlas et la politique du patriarche de Constantinople de 1375 à 1375* // *Кризис Восточного Фракия, Эдиптаст*. Т. у. Афины, 1979. P. 121—124.

унии с католической церковью, надеясь на помощь государств Западной Европы. Полагаться на это, конечно, было несколько наивно, поскольку католическим государствам не угрожала столь непосредственная опасность. С другой стороны, патриархи (Каллист I, Филофей Кожкин), решительно отвергнув унитарную политику императоров, стали развивать собственную политику, рассчитанную на союз православных государств и церквей, который бы противостоял как туркам, так и латинянам.⁴⁶ Эти расчеты, очевидно, в конечном итоге потерпели крах, поскольку каждый из князей более всего заботился о своих сиюминутных интересах, и они дали туркам возможность развить себя поодиночке. В этой обстановке большую роль в иерархии Константинополью митрополиях играли греки — ставленники патриархата. Пожалуй, самой яркой из всех была личность Харитона, и более всего сведений о нем и его деятельности сообщают нам три его несколько необычных «завещания».

Первое из них относится к 1370 г.⁴⁷ После прамбулы духовного характера, содержащей рассуждения о ничтожности завещателя перед Богом и о кратковременности земной жизни, Харитон переходит к наиболее интересной нарративной части документа. Он пишет о том, что прот. Феодосий и епископ Иерисса Иаков послали ему «книжечку уршири», в которой, очевидно, советовали заняться благоустройством монастыря. Этим же актом он назначался игуменом. Как отмечает П. Лемерль, Харитон ничего не сообщает ни о своем происхождении, ни о детстве, ни о вступлении на монашеский путь.⁴⁸ Narratio он начинает с рассказа о том времени, когда он уже был назначен игуменом Кутлумуша. Харитон обратился за помощью не только к ромеям, но и к другим народам, которые прислали ему немалые средства. Он решил окружить монастырь стенами и таким образом обезопасить его от нападений с моря. Поэтому, продолжает Харитон, он отправился к угроклахийскому воеводе Иоанну Владиславу, изложил ему свои требования и напомнил о том, что его отец Николай Александр немало сделал для построения большой башни в Кутлумуше. Ради памяти отца и спасения собственной души Владиславу надлежало завершить строительство. После настоячивых просьб Харитона Владислав согласился. Как отмечает Д. Настазе, игумен приехал к воеводе в Архе, одну из столиц валашских государств, в 1369 г.⁴⁹

Однако впереди Харитона ожидали еще большие трудности. Владислав приказал ему произвести некоторые изменения в устройстве монастыря, а именно чтобы валахи, появившиеся в нем, не подчинялись общежительному уставу, но жили бы так, как живут в других афонских монастырях, где победила идиоритмия. Для этого он отправил вместе с Харитоном Иоанна Нсанка Витежкого, но тот ничего не смог добиться и уехал. Судя по тексту, к этому времени в большей части афонских монастырей общежительный устав был заменен на своежительный. Как мы узнаем из трех актов прога Сав-

⁴⁶ Ibid. P. 123.

⁴⁷ Actes de Koutlumuş. N 29. P. 110—116.

⁴⁸ Leмерль P. L'Histoire des convents de Koutlumuş et d'Alopon (Alypiou) // Actes de Koutlumuş. P. 10.

⁴⁹ Nastase D. Le Mont Athos... P. 133.

вы,⁵⁰ касающихся дарений Кутлумушу, афонский протат достаточно благосклонно относился к киновиальному устройству и тех монастырях, где оно сохранилось. Прембулы к этим документам, которые джловно повторяются из текста в текст, содержат похвалу монахам Кутлумуша, которые избрали божественное (общеежителность) устройство, а также похвалу Харитону как их игумену. Харитон, как мы видим, из страха перед богом и из боязни потерять свой авторитет отказывался изменить устав монастыря.

Спустя некоторое время, рассказывает далее Харитон, он снова вернулся в Угровлахию и застал Владислава в дурном расположении духа. Тот повторил свои требования и стал оказывать на Харитона давление. Затем он созвал митрополита Угровлахию Накинфа, дикайофилака Даниила Критонулоса, свята духовника Дороефа, догфета Савву и других и изложил им обстоятельства дела. Они, говорит Харитон, все бы сделали, чтобы выставить его изменить свое мнение, но он, боясь осуждения афонских старцев, настаивал на своем. Из акта от мая 1369 г.⁵¹ мы узнаем, что Синод преобразует митрополию Вичину в митрополию всей Угровлахию и угровлахийская церковь окончательно переходит в подчинение константинопольского патриархата. При этом на пост митрополита вся Угровлахию назначается грек Накинф. Даниил Критонулос, дикайофилак константинопольского патриархата, в том же 1369 г. возглавляет западную часть Угровлахийской митрополии Северина, Олтению. По акту патриархата от октября 1370 г.⁵² Асфим Критонулос становится митрополитом части Угровлахию. Еще до своего официального назначения, в августе 1370 г., Даниил издает *булгаричюв*,⁵³ в котором он заверяет патриарха и Синод, что никоим образом не допустит конфликта с митрополитом Угровлахию. И так, вместо ожидаемой денежной помощи Харитон добился только организованной борьбы против себя.

Харитон с большой страстностью, упорством и силой убеждения отстаивает киновиальный устав в ситуации, где, казалось бы, все против него. Более того, он не только отказывается изменить что-либо, но требует, чтобы ему выплатили 10 000 из 200 000 унис, которые он был должен из-за строительства крепости. Все это свидетельствует о необычайно большом авторитете и силе Афона и его игуменов в то время. Вместе с тем Харитон намекает, что если ему удастся уговорить отцов и братьев монастыря, то он изменит устав так, как того желает ижевода. Однако по возвращении в Кутлумуш он, созвав совет старцев, слышит от них одобрение своему упорству и совета не изменять устройство обители.

Некоторое время спустя из Угровлахию прибывают влиятельные духовные лица — Михаил и его брат иеромонах Иаков, которые поддерживают киновию. Им было суждено сыграть важную роль в развитии событий. В конце завещания Харитон перечисляет многочисленных дарителей Кутлумуша, преимущественно сербского происхождения (все известное об их жизни и деятельности изложено

⁵⁰ Actes de Kullumush, N 25, P. 99—102; N 27, P. 105—106; N 28, P. 107—109.

⁵¹ Mikhsarich F., Müller J. Acta et diplomata... Vol. I, P. 383—388.

⁵² Ibid. P. 535—536.

⁵³ Ibid. P. 532—533.

П. Лемерлем в примечаниях к тексту⁵⁴), а также говорит об их благоденствиях монастырю.

К ноябрю того же 1370 г. относится второе «завещание» Харитона.⁵⁵ По мнению Д. Настазе,⁵⁶ автор его по возвращении из Угровлахии заготовил два документа — послание Иоанна Владислава,⁵⁷ которое, в случае его одобрения, последний должен был подписать и отправить обратно, а также свое первое «завещание». Акт № 26 почти дословно воспроизводит содержание документа № 29, но, пожалуй, здесь упор делается на то, что в Кутлумуше наблюдается национальная рознь и вражда между греками и прибывшими влахами. Владислав призывает их не ссориться, а посредником определяет Харитона. Мы не знаем, вернул ли воевода этот документ; по крайней мере он этого не сделал до ноября 1370 г., когда появляется второе «завещание».

Этот текст имеет интересную преамбулу духовного содержания, изобилующую цитатами из Библии, и ставит своей целью оправдать строительную деятельность Харитона. Игумен сравнивает свой монастырь с храмом Моисея (Исх. 31, 2, 36—38), а себя — с вдовицей, приносящей в храм два обола (Мк. 12, 42—44). Харитон не столько печется о богатстве и обилии материальных приношений, сколько о духовном совершенствовании монашеской братии. В данном документе преамбула отличается от аргументации первого «завещания». Она имеет двухчастную композицию: в первой части Харитон вспоминает известные библейские сюжеты, а во второй говорит о себе и своей душе. Здесь уже присутствует исповедальный мотив, о котором мы говорили выше: автор сожалеет о том, что сделал меньше, чем мог бы.

Нарративный раздел, во многом повторяющий соответствующую часть из первого «завещания», написан очень живо, изобилует риторическими вопросами, поговорками, что говорит о несомненных литературных дарованиях автора документа. В отличие от первого «завещания» здесь Харитон рассказывает о добрых делах, совершенных им для монахов, о лишениях, которые ему пришлось перенести. Он делает упор на свою скромность, превознося при этом свои заслуги перед обителью. В этом отрывке, пожалуй, раскрывается весь Харитон — энергичный, честолюбивый, настойчивый и на деле весьма далекий от традиционного для монаха самоунижения и скромности. После рассказа о поездках к Владиславу и вместе со старцами автор говорит о том, что Мельхиседек, пришедший от воеводы, пожелавший жить в условиях общежития, так и не смог остаться и отправился обратно. В первом «завещании» Харитон рассказывает о том, что Михаил-Мельхиседек был доволен киновиальным уставом. Судя по тому вниманию, которое уделяется ему в этих документах, он был достаточно влиятельным человеком в Угровлахии. Такого мнения придерживаются многие исследователи.⁵⁸ Таким образом, к прежним конфликтам добавляется еще один. Впоследствии

⁵⁴ Actes de Koutumus. N 29. P. 112.

⁵⁵ Ibid. N 30. P. 116—121.

⁵⁶ Nastase D. Le Mont Athos... P. 139.

⁵⁷ Actes de Koutumus. N 26. P. 102—105.

⁵⁸ Năsturel P. S. Legăturile firilor române cu Muntele Athos pînă la sfîrșitul veacului al XV-lea // *Mitropolia Olteniei*. 1958. T. 10. P. 741—742; Nastase D. Le Mont Athos... P. 140.

Мельхиседек становится игуменом Кутлумуша.⁵⁰ П. Лемерль считает, что именно под его давлением Харитон отказался от киновии, и отождествляет его с Михаилом-Мельхиседеком Угровлахийским.⁵¹ С таким заключением не согласен Д. Настасе.⁵²

Далее в документе Харитон пишет, что основные требования во-свода, которые он удовлетворил, изложены в грамоте, отправленной Владиславу. Здесь, несомненно, имеется в виду акт № 26 Иоанна Владислава, который по времени написания Харитоном второго «завещания» еще не был получен обратно. После перечисления дарителей монастыря автор, ссылаясь на известные слова апостола Павла (Кол. 3, 11), призывает братьев к миру и оставляет им указания, которые во многом повторяют соответствующий пассаж в «акте Иоанна Владислава». При этом он ставит во главе условия, среди которых — постройка храма, трапезной, выплата двух тысяч аспров и др. Только в таком случае он согласен отказаться от общежительного устройства. Призывая ромеев и илахов к миру, Харитон не забывает подчеркнуть, что Кутлумуш — монастырь греческий, а не валашский. Хотя он и старается выступить ревнителем справедливости, нельзя не заметить внутреннюю борьбу автора между его настоящим желанием установить строгую дисциплину с превосходством ремесла и боязнью прогневать восводу, от которого он материально зависим.

П. Лемерль связывает различие в названиях актов (*διθήκη*, *ἐπιθήκη* и *διδίχη*) с возможным стремлением Харитона придать «второму завещанию» более «тестаментарную» форму.⁵³ В пользу этого мнения говорят некоторые фразы из текста документа. Так, например, автор здесь больше вспоминает о смерти и делает распоряжения на случай ухода из жизни. Приведем для сравнения названия некоторых других завещаний: завешания Максима Плавиты — *διδίχων ὑρίτζο*, так же называется и завешание Марфы Фраксинны; акт аббата Григория носит название *διθήκη*, как и завешание из архива вазелонского монастыря Св. Иоанна Предтечи: Германа, игумена патмосского монастыря, Матфея Халкепулоца. Завешания, как отмечает И. П. Медведев, «называются как *διθήκη*, так и *διεθλοκτήс* с определениями *φωερή* («открытое» — имеется в виду завешание, содержание которого доведено до сведения свидетелей) или, напротив, *ρυπητή* (закрытое, буквально «тайное»), по ряду с этим составленными по всей форме перед номиком и свидетелями типами завещаний были еще *διδίχων ὑρίτζοι*, т. е. простые распоряжения, сделанные на смертном одре, которые не были оформлены соответствующим образом». Завешание Евстафия Воида называется *ρυπητή διεθλοκτήс*, а Христодула Латрекого — *ρυπητή διθήκη*, Луки, игумена Галеагры, — *φωερή διεθλοκτήс*, Матфея Анапауса — *διθήκη*, а Феодора Карамея — *ἐπιθήκη* *ὑρίτζο*. Следует отметить, что большая часть завещаний относилась к разряду *φωερή*, поэтому определение к ним зачастую не писалось. Итак,

⁵⁰ См. его подпись в акте прена Герасима (Actes de Kuthumus, N 31, P. 124).

⁵¹ *Leмерль P.* L'Histoire des convents... // Actes de Kuthumus, P. 11.

⁵² *Nastase D.* Le Mont Athos... P. 141.

⁵³ *Leмерль P.* L'Histoire des convents... // Actes de Kuthumus, P. 10.

⁵⁴ *Atchardes H. H.* Очерки... С. 47—48.

наряду с названием *δισθήκη* в ряде случаев мы имеем и другие заглавия завещаний, что, однако, не изменяет предназначения акта.

Из приведенных примеров нетрудно заметить, что название *δισθήκη* отнюдь не обязательно для завещания. Основную причину составления второго «завещания», по-видимому, следует искать в изменении обстановки в Кутлумуше. С одной стороны, можно отметить такие факторы, как засилье в монастыре идалхов и прибытие туда влиятельных лиц от воеводы, с другой — зависимость Харитона от Владислава. Харитону, следовательно, было необходимо написать новое завещание в соответствии с происшедшими изменениями.

К 1372 г. все конфликты, нашедшие отражение в первых двух завещаниях, были, по-видимому, улажены путем отказа Харитона от киионии, что подтверждается актом на старославянском языке, примерно датированном 1372/73 г. и провозглашающим Харитона митрополитом Угровлахийским.¹⁶⁴ Начинается он с описания той ситуации, которую мы обрисовали выше. Еще при жизни митрополита Угровлахийского Иакинфа одного архиерея было недостаточно для управления столь многочисленным народом. В такой обстановке после смерти Иакинфа в 1373 г. Харитон, а не Анфим Критопулос, как следовало ожидать, становится митрополитом части Угровлахии. После 1372 г. патриархат мог быть уже спокоен за Угровлахийскую митрополию. В этом акте мы читаем также о желании Харитона оставаться ктитором Кутлумуша. После своего назначения преемном Анфимом в 1376 г. в июне 1378 г. Харитон пишет третье «завещание», которое и является его настоящим актом последней воли.

Этот акт резко отличается от первых двух. Четкую преамбулу духовного содержания в нем выделить сложно, так как нарративные элементы перемежаются с отвлеченными рассуждениями. Причиной составления документа здесь является уже действительная болезнь, а не страх перед смертью, выраженный чисто условно. Да и само настроение автора иное: теперь он уже смиренный монах, готовящийся умереть и составляющий завещание, похожее на другие типичные завещания, вплоть до мельчайших формул (здесь присутствуют клаузула добровольности распоряжения, указание на здравый разум завещателя). Далее он глухим намеком говорит об изменении устава монастыря. Его забота — соорудить божественный дом; деньги же, которые даются на это, часто являются условием изменения правил поведения. Второй раз он намекает на это обстоятельство и своеобразной похвалой бедности. Убеждая монахов заботиться о духовном богатстве, а не о земном, Харитон призывает их стремиться к бедности и этим избежать божьей кары. В этом мастерски написанном пассаже чувствуется ностальгия завещателя по общежительному уставу, в отступлении от которого, возможно, он считал виновным себя. Трижды говорит Харитон о «безбожных ахеменидах». Опасность турецкого завоевания в то время была уже столь велика, что бесновали практически всех людей. Тонем безнадежности и тревоги пронизано третье «завещание». Удовлетворение от совершенных в

¹⁶⁴ *Nadris Grigori: Un document privitor la împărțirea mitropoliei țării Românești 1372 (1373) // Înclinare Lui Nicolae Iorga. C V prilejul împlinirii surzii de 60 de ani. Cluj, 1931. P. 292—296.*

жизни дел не может принести его автору спокойствие. Все его идеалы погибли.

При всей неоднозначности этой выдающейся личности положительное значение деятельности Харитона очевидно. По словам П. Лемерля, игуменство Харитона со всех точек зрения означает важнейший этап, если не настоящую революцию, в истории Кутлумуша.⁶⁵

Подводя итоги всему сказанному, отметим следующее.

Во-первых, можно констатировать коренное отличие монашеских завещаний от светских. Для монаха в конце жизни самым важным было подытожить свои дела в отношении той пользы, которую он принес обители и тем самым спасения своей души. Этим обусловлены особенности прамбулы завещаний, которые являются кратким духовным субстратом следующей за ним *paratio*. В светских же тестах главное — диспозитивный раздел, конкретные деловые распоряжения, и это оказывает соответствующее влияние на прамбулу, которая в них, как правило, стандартна. Исключение среди них составляет завещание Евстафия Воилы. Здесь уместно еще раз упомянуть и о завещаниях Харитона. Первые два из них выявляют более сходства с завещанием Евстафия Воилы, нежели с монашескими актами как по общему пафосу и настроению, так и по конкретному содержанию и по тому, насколько ярко и рельефно выступает в них личность автора-рассказчика. Третье же завещание, при всей своей стройности и тонком анализе чувств, ближе к монашеским.

Во-вторых, нам представляется, что различия в хронологии не оказали существенного влияния на завещания вообще и на прамбулу в частности. Это говорит как об устойчивости формулировок актов на протяжении столетий существования Византийской империи, даже и после ее падения, так и о консерватизме сознания монашества.

В-третьих, следует еще раз подчеркнуть отличие завещаний от других актов, что объясняется прежде всего необычными обстоятельствами их составления, ибо они обращены скорее к богу, чем к людям, и являются своего рода разговором более возвышенным, чем земным. Да и вообще человеку перед смертью было свойственно подводить итоги своей жизни, анализировать свои поступки, и, конечно, состояние своей души накануне отхода в лучший мир. Это в наибольшей степени характерно для монашеских завещаний, так как вся жизнь монаха должна быть подготовлением к жизни иной. Этим объясняется обширность прамбулы духовного содержания в иноческих завещаниях. Она отражает как строй мыслей монаха, так и образ его жизни, в которой одно из первых мест занимают церковные службы и духовные беседы, а также чтение Библии.

Следует, наконец, отметить, что причиной составления завещаний не всегда была приближающаяся смерть автора; зачастую они писались с целью сообщить о своих делах. В завещании автор не преследует в прамбуле столь строго определенной цели, как в актах *inter vivos*, поэтому она дает завещателю больше возможностей для выражения собственной личности. Самым значительным отличием

⁶⁵ Lemerle P. L'Histoire des convents... // Actes de Kutlumus. P. 13.

завещаний от прочих актов является наличие в них паггатио, которую мы с известной долей условности включаем в состав преамбулы и в которой личность автора, практически отсутствующая в подавляющем большинстве документов (за исключением, пожалуй, только императорских актов), выходит на первый план и проявляется чрезвычайно ярко. Если учесть обыкновенную монашескую, да и вообще средневековую традицию авторов умалчивать о себе и говорить более о делах, то нарративный раздел завещаний в этом отношении представляет собой исключение, особенно на фоне его принадлежности к произведениям документального жанра, своего рода «окно» в мир художественной литературы.